

С чего бы это умереть, то есть перейти из жизни  
в смерть, должно быть труднее, чем родиться, то  
есть перейти из смерти в жизнь?

*Жюль Ренар*

## ПРОЛОГ

*Там, двадцать шесть лет тому назад*

Как хорошо было жить в этом восточноевропейском городе, когда весна выдавалась ранняя и теплая...

Поздно ночью Петр и Маруся Ермаковы подошли к окну, чтобы полюбоваться необыкновенной картиной: километрах в трех от их дома небо окрасилось ярчайшими голубыми, оранжевыми и красными всполохами<sup>1</sup>. Соседи перекликались, высыпав на балконы, — тоже, значит, не спали. Еще бы: не пропускать же такое фантастическое зрелище!

На следующий день все было как всегда, только на улицах, пожалуй, чуть более оживленно. По-летнему одетые дети играли в парке близ чертова колеса и аттракциона со сталкивающимися автомобильчиками, крестьяне торговали на рыночной площади овощами со своего огорода, женщины останавливались поболтать, вот только вдали слышались сирены и рев вертолетов...

Там, за горизонтом, случилось нечто из ряда вон выходящее, но, хотя в городе об этом судачили, никто особо не тревожился. Разве им не объясняли, что здесь у них так же безопасно, как посреди Красной площади? Ну, горит какой-то завод, который производит неизвестно что,

---

<sup>1</sup> Очевидцы утверждали, что взрыв чернобыльского реактора напоминал кадры из научно-фантастического фильма: над зданием четвертого энергоблока поднялся в небо столб пламени высотой метров в сто, а несколько секунд спустя еще один — в несколько раз выше первого. <http://slawa.com.ua/novosti/403-chernobyl.html>. — *Здесь и далее, если специально не оговорено, примеч. перев.*

так ведь если по радио не объявили и в «Правде» не написали, значит нечего и беспокоиться?

Пять дней спустя Андрей Михайлов, отлично зная, какой бардак царит в разваливающейся империи, пробрался в строжайшим образом охранявшееся здание в двенадцати километрах от места катастрофы и в ста десяти от Киева. Лес вокруг стоял как выжженный, хотя никаких следов огня не было видно: просто стволы и ветки будто проржавели, а листья высохли, причем высохли за долю секунды, и стали похожи на крылья опаленных солнцем бабочек. Пахло непривычно, но что это за запах, Андрей определить не смог. Во рту появился вкус жженого сахара — словно на пломбы в его зубах осело невидимое и неведомое вещество. Он бросил взгляд на прибор, который не выпускал из рук: стрелка залипла на максимуме. Сколько у него есть времени, Андрей не знал, но, поскольку был химиком, понимал, что действовать надо быстро.

После той удивительной ночи ни один исследователь с официальным заданием не переступал еще порога засекреченного сооружения, в которое он сейчас проник. Все документы и протоколы испытаний оставались на месте, за бронированными дверями и рядами охранников, готовых в случае вторжения умереть за партию. У Андрея был допуск в большую часть закрытых некогда городов и местностей Советского Союза, тех, где велись самые важные для страны работы, а стало быть — и разрешение спуститься на семь метров под землю, то есть на тот уровень, что оберегали от любопытных глаз гораздо серьезнее, чем остальные. Он прошел, ссылаясь на приказ, подписанный самим Горбачевым, мимо восьми охранников (хоть их и меняли каждый час, и дежурил каждый из них всего по разу, у двоих уже текла кровь из носа) и вздохнул с облегчением, попав наконец-то туда, где в обстановке строгой секретности собирались самые известные советские биологи, генетики и физики. Туда, где проводились самые кошмарные эксперименты из всех, в каких он когда-либо принимал участие.

Пятнадцать минут спустя он уже выходил наружу, получив в свое распоряжение рукопись начала XX века, несколько протоколов и странную животинку, плававшую в прозрачной коробочке.

Когда один из военных захотел удостовериться по телефону, имеет ли право Андрей Михайлов выносить подобные объекты с территории третьего энергоблока Чернобыльской АЭС<sup>1</sup>, ученому ничего не оставалось, как только шарахнуть охранника по черепу его же дубинкой. Из-за того, что Андрей нес сейчас в руках, скоро его станет искать КГБ, искать активнее, чем кого-либо, искать, чтобы уничтожить во что бы то ни стало...

Оказавшись за рулем своего автомобиля, он сорвался с места и двинулся мимо заграждений и постов с охранниками. Было преступлением оставлять здесь всех этих несчастных даже на час. Андрею очень захотелось крикнуть им: бегите отсюда, скорее, скорее в госпиталь, — но он сразу же передумал и без проблем выехал на главное шоссе.

На юге пожар еще не погасили — для того чтобы полностью подавить огонь, понадобятся дни, а может, и недели. Стая вертолетов, кружа над местом аварии, сбрасывала прямо в бушующее пламя свинцовый лом и песок. Небо здесь напоминало подожженный комок старой газеты. Вокруг разрушенных строений суетились нелепые тени с жалкими лопатами и пожарными шлангами. Ничего не знающие мальчики, которых обрекли на гибель и семьям которых потом пришлют свидетельство об их «славной смерти за Советскую родину».

Андрей вздрогнул, когда о лобовое стекло ударились птица. Потом другая. Пошел дождь из мертвых птиц, из мертвых скворцов, они валились с неба десятками, устилая асфальт и землю вокруг. Беглец включил дворники и направился к Припяти: прежде чем взять курс на запад, надо было проехать через город.

---

<sup>1</sup> Версии причин аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС см.: <http://www.galactic.org.ua/SLOVARI/n995.htm>.

Этот город строился у него на глазах. Жилые кварталы с хорошими домами, парк с аттракционами для детей. Сегодня все это напоминало страшный сон. Население три дня назад эвакуировали в Москву, пригнав для этого из Минска, Гомеля и Могилева больше тысячи автобусов. Владельцам домашних животных не разрешили взять их с собой, потому что шерсть чересчур легко собирает из воздуха зараженные радиацией частицы, — и сейчас бригады охотников с завязанными платком лицами отстреливали на улицах собак и кошек. Одни солдаты поливали из шлангов сухие крыши домов, терли стены щетками, другие перекапывали садики и палисадники, накрывая верхние слои почвы землей из слоев, залегавших глубже. «Сражаются с невидимым врагом, но все это совершенно бесполезно», — подумал Андрей. На дверях домов он заметил надписи: «Простите», или «Семья Бондаревских», или «Мы вернемся», или еще — «Это все, что у нас есть, не ломайте». Андрей не решался представить себе, в каком аду пришлось побывать этим людям, пережившим в свое время оккупацию и сталинские репрессии. Что станет с ними, лишенными всего нажитого ими добра? Они не вернуться сюда через пять дней, как им было обещано.

Они никогда не вернуться в свои дома.

Выехав из города, Андрей увидел в поле корову, целиком покрытую кожаной попоной, — как будто эта попона могла защитить животное от рассеянной повсюду отравы. Рядом с коровой брела сгорбленная, тоже с головы до ног упакованная в кожу старуха, — наверное, эта старуха спряталась, когда остальных вывозили. Без лекарств, без медицинской помощи она погибнет через несколько недель.

Русский смыл водой из стеклоомывателей прилипшие к лобовому стеклу птичьи перышки и вцепился в руль покрепче. Его, как и многих других известных советских физиков и химиков, откомандировали к месту аварии на следующий день после взрыва и вынудили облететь это место, чтобы найти решение проблемы. В полете вся аппаратура барахлила, поляроидные снимки превращались

в черные прямоугольники. Когда они подлетели совсем близко, Андрея удивило, что он больше не слышит шума лопастей вертолета, — как будто он внезапно оглох. Именно в этот момент до него дошло, что в тот день в Советской стране были погублены тысячи человеческих жизней и потеряны для обработки многие гектары земель. Что никогда уже ничто не будет так, как было прежде.

Андрей остановился на краю дороги и спрятал все находившиеся при нем документы, в том числе и рукопись, в багажник, куда уже бросил раньше несколько самых необходимых вещей. Совсем немножко. Взгляд его притянула изображенная на папке с рукописью свастика. У папки этой была своя история: сначала ее украли нацисты, затем, во время падения Третьего рейха, она попала в руки красноармейцев, потом ее хранили на Украине — там, где искать никому бы и в голову не пришло, — а сегодня она снова отправляется в неведомое. Что же до животинки — та вяло покачивалась на поверхности воды. Андрей поместил свой крошечный аквариум в бардачок: теперь только в этом, одном-единственном, организме содержался ключ к тайне, которую стремились разгадать во все времена.

Михайлов вздрогнул и тронулся с места. Он будет ехать и ехать на запад, как можно дальше. Ему придется прятаться, нелегально пересекать границы и, скорее всего, рисковать жизнью. Но овчинка стоит выделки. Есть страна, о которой он столько слышал, страна на другом краю Европейского континента, и там, в этой стране, он точно сможет начать новую жизнь, продав за бешеные деньги собранные им протоколы исследований.

Эта страна — Франция.

Проехав без остановок семьсот километров, Андрей припарковался на обочине, выкурил сигарету и решил наконец включить дозиметр, который так боялся включать, оттягивая и оттягивая эту минуту. Счетчик Гейгера затрещал — что ж, так и должно было быть, ученый хорошо знал, что его ждет. Он приложил датчик прибора

к груди — стрелка прогулялась по шкале туда-сюда и замерла на максимуме.

Радиация не может проникнуть сквозь толстый слой воды и свинец, но почти все остальное для нее проникаемо. Андрей надыхался пыли, содержащей йод-131, стронций-90, цезий-137, полоний-210...

Теперь радиоактивные вещества у него внутри.

Андрей Михайлов — больше не человек, он ходячий ядерный реактор, которому тоже когда-нибудь предстоит взорваться.

**I**

**ЖИЗНЬ. НАШИ ДНИ**





— Скажите мне что-нибудь хорошее, доктор, а?

Стрелки часов только-только подобрались к восьми, кабинет врача был чистенький, снабженный всем необходимым и безликий, ровно такой, как надо для дела, а Франк Шарко в то утро пришел первым. Впустив пациента, доктор Рамбле закрыл за ним дверь и предложил сесть.

— Боюсь, что пока, к сожалению, никаких положительных сдвигов... А вы, комиссар, точно соблюдали все предписания, данные в прошлом месяце?

Шарко потер пальцами виски: день начинался хуже некуда.

— Мое мусорное ведро лопается от пустых ампул и коробочек из-под таблеток, у меня брали кровь, но анализы ничего не показали, зато на лаборанта неподалеку от моего дома напал какой-то наркоман, избил и обшарил карманы. Не повезло парню — три шва пришлось наложить, а у него и взять-то было нечего...

Видя, что врач никак не реагирует, Франк продолжил:

— Я выполнял ваши предписания с маниакальной точностью, я даже с подругой своей спал только в назначенные вами дни, и вы еще спрашиваете, все ли я сделал как надо?

Рамбле методично пересматривал лежавшие на столе бумаги: видеть перед собой взвинченных мужчин и женщин любого возраста доктор давно привык, а для ответа ему требовалось время.

— Вот ваша третья спермограмма, она также подтверждает, что положение серьезное. При такой астеноспермии, иными словами — сниженной подвижности сперматозоидов, на зачатие рассчитывать трудно. Но отчаиваться рано, мы добьемся своего.

— Когда? И как?

— В прошлом у вас уже был ребенок, стало быть, от природы вы фертильны. Анализами крови, как и всеми остальными исследованиями, которые мы провели, не выявлено ни хронической инфекции, ни варикозного расширения вен семенного канатика, ни иммунной патологии. Вам пятьдесят лет, но с точки зрения способности к репродукции это не возраст, когда мужчина уже не может иметь детей. Лечение вам не помогает, однако я не вижу никаких физиологических причин для того, чтобы ваши сперматозоиды были такими вялыми, — возможно, надо поискать причины психологические.

Шарко напрягся: это проклятое слово «психология» снова обрушилось на него, оно будто приклеилось к нему. Это проклятое слово выплыло даже тогда, когда речь всего лишь о том, что имеющееся у него стадо лентяев и бездельников топчется на месте и ни один не способен проскочить сквозь шейку матки. А доктор между тем продолжал:

— Стрессы, перегрузки на работе, следующие одно за другим тяжелые переживания, бессонница — все это действует на гормоны и нарушает баланс организма. Примерно каждый пятый случай временного бесплодия является следствием психологической блокады. Вы даже представить себе не можете, скольким бесплодным парам внезапно удалось зачать самостоятельно сразу после искусственного оплодотворения или усыновления.

Доктор побуждал Шарко к разговору, но с таким же успехом мог обращаться к стене. Он снова полистал бумаги и оглядел пациента: взъерошенный ежик волос с проседью, тяжелые руки, лежащие на коленях, темно-синий костюм хорошего покроя с галстуком, крепкое, мускулистое тело...

— Полагаю, на вашу долю выпало немало тяжелых периодов после рождения вашего первого ребенка. Восемь... восемь лет назад, не так ли?

В кармане Шарко завибрировал мобильник, он не обратил на это внимания и встал:

— Послушайте, доктор: я трижды запирался чуть ли не на рассвете в вашей кабинке, чтобы онанировать, глядя на фотографии из порножурналов, и еще три раза приходил к вам, чтобы получить одни и те же, поистине катастрофические, результаты. Мне трудно говорить с вами об этом. И психологов-психотерапевтов-психоаналитиков я, уж поверьте, знаю как облупленных. Время не ждет, понимаете? Я уже не молод, да и моей подруге тридцать восемь лет, мы хотим ребенка как можно скорее, мысль об этом становится навязчивой. Мы хотим иметь ребенка — и без ЭКО.

— Я как раз хотел несколько подробнее рассказать вам об искусственном оплодотворении, месье. Это весьма эффективный метод и...

— Нет, простите. Ни моя подруга, ни я сам не прибежим к этому. По... ну, скажем, по сугубо личным мотивам. Мне нужно другое решение проблемы — здесь и сейчас. Скажите, что оно существует, доктор!

Врач тоже поднялся со стула и медленно покачал головой с таким видом, будто все понимает. Шарко заметил у него на пальце серебряное обручальное кольцо. Ну да, ему лет тридцать, у него красавица-жена, может быть, дети — спрятанный в углу рисунок фломастером это подтверждает. Правда, в кабинете нет ни одной детской фотографии, но ведь некоторым парам с проблемами неприятно видеть чужое потомство...

— Через десять дней Рождество. Бросьте все. Уезжайте подальше от Парижа, от вашей работы, отдохните. А главное — наберитесь терпения: чем больше вы будете торопиться, тем меньше шансов прийти к цели. Перестаньте заикливаться на мысли о ребенке — это лучший совет, какой я могу вам дать.

Шарко хотел было сказать специалисту, что заиклится он отнюдь не по своей воле, но не стал: хватит уже посвящать Рамбле в свою личную жизнь. В прошлом Франк достаточно проблем, чтобы озадачить всех психиатров планеты.

Они обменялись рукопожатием. В приемной полицейский оплатил счет за консультацию наличными. Секретарша попросила у него социальную карту, и он снова притворился, что забыл ее. Девушка, как обычно, вздохнула и выписала еще одну квитанцию для передачи в местное отделение страховой компании. Шарко, как обычно, выйдя за дверь, тут же порвал квитанцию в клочья и выбросил в ближайшую урну, стоявшую у входа в лабораторию. Как обычно.

Комиссар шел по Шестнадцатому округу. Воздух был холодным, сырость пронизывала до костей, небо напоминало цветом металлические опилки, — по-видимому, вот-вот начнется снегопад.

Шарко потуже стянул на шее шарф, ему было тревожно. Вот уже восемь месяцев они пытаются сделать ребенка. Он и Люси. И пусть даже Люси ничего не говорила, не считала неудачные попытки, Франк чувствовал, что они выдыхаются, что рано или поздно отношения у них разладятся. Чувствовал, но на сегодняшний день не видел никакого решения: ему не хватало смелости признаться Люси в бесплодии — пусть и временном, как он надеется, но бесплодии, а с другой стороны, зная об этом, он все с большим трудом поддерживал в подруге веру в то, что ребенок у них будет. Возможно, доктор прав: надо взять отпуск, уехать на несколько недель, — возможно, вдали от Парижа эти чертовы сперматозоиды оживут и перестанут лениться...

Он со вздохом полез в карман пиджака, достал мобильник и прочитал два оставленных ему сообщения. В первом — от начальника Шарко, Никола Белланже, — говорилось, что надо ехать на место преступления в Трапп, это в тридцати километрах от Парижа.

Шарко сразу учуял какую-то подлянку: для того чтобы криминальную бригаду с набережной Орфевр, 36, вызвали на место преступления, явно подведомственного местной полиции, должно было случиться либо что-то очень скверное, либо что-то очень загадочное. Ну, или то и другое сразу.

Вторая эсэмэска была от Люси. Оказывается, Белланже по тому же делу успел связаться и с ней, и его подруга, член их команды в течение полутора лет, уже за рулем — едет из столицы на юг.

Чудесный подарочек к Рождеству — новое дело, да еще такое! А болван Рамбле говорил об отпуске...

## 2

Столько лет он в этой чертовой профессии, столько пережито страданий и потерь, связанных с ней, а выезд на место преступления так и остался для Шарко ни с чем не сравнимым допингом. Кто жертва? В каком состоянии ее обнаружили? Что представляет собой убийца? Садист, психопат или, как в восьмидесяти случаях из ста, несчастный, опустившийся, выброшенный из общества человек? Шарко не мог вспомнить, каким был его первый труп, но отлично, в мельчайших подробностях, помнил, как взорвались тогда, больше двадцати лет назад, его чувства, как он ощутил сначала отвращение, затем гнев, затем возбуждение... И эта волна чувств накатывала на него потом всякий раз, как он приступал к новому расследованию, и всякий раз в одном и том же порядке: отвращение, гнев, возбуждение...

Он прошел через сад к дому, стоявшему в одном ряду с другими точно такими же и точно так же скрытому изгородью от взглядов соседей. Как всегда в таких случаях, здесь уже собралась целая куча спецов по убийствам — они ходили туда-сюда с чемоданчиками в руках и сотовыми, приложенными к уху. Это были полицейские из местного

комиссариата, работники службы криминалистического учета, один или два представителя судебной власти, офицеры судебной полиции, парни из морга... Царил хаос, похожий на хаос муравейника, где каждый точно знает, куда ему двигаться и что делать.

Дом промерз до того, что изо рта вырывались облачка пара. Чаще всего Шарко читал на лицах этих людей усталость, но на этот раз их черты выражали нечто другое: тревогу и непонимание.

Пожав несколько рук, Франк отправился в кухню, следя за тем, чтобы не сойти с «тропинки», по обеим сторонам которой протянулись красно-белые ленты<sup>1</sup>, — выгородку эту сделали ребята из оперативно-технической службы. Посреди кухни, на кафельном полу, он увидел лужицы, а в них брикеты растаявшего пломбира, лоточки с раскисшим мясом и другие некогда замороженные продукты, пришедшие в весьма плачевное состояние. Лейтенант Люси Энебель, появившаяся в команде Белланже последней и ставшая пятой в группе, обсуждала что-то с его приятелем, патологоанатомом с набережной Рапе<sup>2</sup>. Заметив Шарко, Люси едва заметно кивнула ему, он поздоровался с Полем Шене, сунул руки в карманы и, глядя на подругу, спросил:

— Ну и где?

— Там, — показала она взглядом.

Все коллеги из дома 36 по набережной Орфевр знали, что Франк и Люси живут вместе, но сами они предпочитали вести себя на людях сдержанно: никаких объятий и поцелуев, никаких проявлений любви... И хотя все знали их историю, знали, как жестоко обошлась судьба с малышами Энебель, Кларой и Жюльеттой, это была запретная тема, об этом говорили лишь за закрытой дверью, да еще

---

<sup>1</sup> Место преступления во Франции огораживается лентами в поперечную красную и белую полосу.

<sup>2</sup> На парижской набережной Рапе находится Институт судебно-медицинской экспертизы. — *Примеч. авт.*

и убедившись, что ни Шарко, ни его подруги поблизости в коридоре нет.

Комиссар проследил за взглядом Люси и направился к отсеку, где была собрана вся кухонная техника и электроника.

Там, на дне большой пустой морозильной камеры, лежало скрюченное тело мужчины в нижнем белье. Синие губы, открытый — будто человек силился в последний раз закричать — рот. Около глаз замерзшая вода... а может быть, слезы? Светлые волосы покрыты инеем. Что до кожи, то вся она изрезана вдоль и поперек, особенно руки и ноги.

Там же, на дне морозилки, рядом с трупом лежал фонарик, чуть левее — ботинки и сложенная стопкой одежда: порезанные джинсы, рубашка в пятнах крови, джемпер. Глядя на испещрявшие стенки изнутри темно-красные полосы, оттененные сверкающей белизной льда, Шарко представил себе, как жертва пыталась любой ценой освободиться, как царапала стены и стучала в них до тех пор, пока пальцы не начали кровоточить.

Подошла Люси, встала рядом, обхватила себя руками, пытаясь хоть немножко согреться.

— Мы пытались вытащить его оттуда, но он... он примерз. Когда мы пришли в квартиру, отопление было выключено, ребята повернули ручки термостатов до предела, чтобы сделалось теплее, но пока не стало. Сейчас принесут электрообогреватели, и придется подождать, пока он хотя бы немножко не оттает, чтобы взять образцы волокон и ДНК, а главное — вытащить-таки тело. Вот не везет так не везет!

— Промерзла только поверхность тела, — дополнил судмедэксперт Шене. — Я с трудом, но сумел измерить температуру внутри: девять градусов. Времени было недостаточно, и он не настолько замерз, чтобы обледенело сердце. С помощью технических характеристик морозильника и графиков, которые есть у меня в институте, я смогу довольно точно определить время смерти, ну, от и до.



Шарко вернулся к продуктам, валявшимся на полу. Убийца опустошил морозильник, чтобы засунуть туда жертву. Ни следа паники. Комиссар нашел взглядом Люси:

— При каких обстоятельствах найдено тело?

— В полицию позвонил сосед. Имя жертвы — Кристоф Гамблен, он владелец этого дома. Сорок лет, холостяк. Корреспондент газеты «Высокая трибуна»<sup>1</sup>, редакция — на бульваре Османа. Его собака начала выть под дверью примерно в четыре утра. Собака — кокер-спаниель, по свидетельству того же соседа, никогда не спит снаружи. Входная дверь не взломана. Либо Гамблен сам впустил своего убийцу, либо он и не запирает дверь, ожидая, пока эта самая собака не вернется с прогулки. Бардак на полу кухни обнаружили местные полицейские, они же перепилили ножовкой толстую цепь с висячим замком, опоясывавшую морозильную камеру и мешавшую ее открыть. Увидишь на фотографиях.

Сунув руку в морозильник, Шарко прощупал закраины стального обтекателя — кое-где они оказались прижаты.

— Его засунули туда живым. Он пытался выбраться.

Комиссар вздохнул и заглянул Люси в глаза:

— Ты ничего? В порядке?

Стараясь не выдать истинных чувств, Люси только кивнула. А потом спросила шепотом:

— Ты же сегодня рано уехал из дому, да? Но когда Белланже звонил мне с работы, тебя там не было...

— Стоял в пробках на окружной. И вряд ли — с этим делом, которое на нас сейчас свалилось, — смогу за сегодняшний день наверстать упущенное с бумажками. А ты? Ты вчера поздно вернулась? Могла бы меня разбудить.

— Пожалела — ты так спокойно спал. Ну, почти спокойно, редко так бывает. А мне надо было покончить с материалами по делу, чтобы с утра передать его в суд.

---

<sup>1</sup> Вероятно, тут намек на ежедневную французскую финансово-экономическую газету «Трибуна» («La Tribune»).

Люси наклонилась к отверстию посреди гладкой поверхности крышки морозильника и заговорила громче:

— Смотри-ка! Это сделали дрелью, она тоже валялась на полу, отпечатков пальцев на ней не было. В саду есть сарайчик для инструментов, вот его-то дверь как раз взломали. Впрочем, такой засов и отодвинуть не так уж трудно — достаточно как следует стукнуть по нему кулаком. Цепь, висячий замок и дрель, скорее всего, взяли там. Земля снаружи слишком твердая и холодная, чтобы на ней отпечатались следы подошв.

На пороге кухни показались техники с электрообогревателями. Шарко жестом попросил их задержаться на пороге.

— Зачем эта дырка? Убийца не хотел, чтобы он умер, задохнувшись?

Комиссар натянул перчатки из латекса, захлопнул крышку морозильника и нагнулся к проделанному в ней отверстию:

— Или...

— ...или он хотел присутствовать при смерти жертвы. Видеть, как жертва будет биться о стены, бороться за жизнь.

— Тебе это кажется более правдоподобным?

— Безусловно. Мы нашли стеклянную пластинку, которой была прикрыта дырка. Через стекло убийца мог смотреть внутрь, а главное — не бояться, что из-за циркуляции воздуха в морозильнике станет теплее, даже при выключенном отоплении. Эта стекляшка была тщательно протерта после использования, так что и здесь никаких отпечатков. Потом посмотрим, есть ли потожировые следы или ДНК.

— Надо же, какой дотошный...

— Ага, все предусмотрел. Кроме того, эта дырка объясняет, зачем в морозильнике фонарь. Должно быть, его положили внутрь перед тем, как запереть там Кристофа Гамблена. Жертва не захочет остаться в темноте, зажжет фонарь и сделает тем самым наблюдение удобным для

палача. Ужас какой-то... И даже если предположить, что у Гамблена хватило сил закричать, никто не мог его услышать: стенки у морозильника толстые, закрыт он герметично, а дом собственный, без соседей и жильцов.

Люси замолчала, приложив руки в перчатках к ледяному гробу и глядя в окно. За стеклами плясали первые в нынешнем году снежинки. Шарко знал способность подруги влезать в шкуру жертвы. Сейчас Люси мысленно внутри морозильной камеры, на месте Кристофа Гамблена, а он... он, Шарко, перемещался скорее в голову преступника, пытаясь понять его логику. Дырка просверлена сверху, а не в одной из боковых стенок — почему? Опять-таки для удобства наблюдения или из желания господства? Использовалось ли это отверстие, чтобы расправлять жертву? Палач не жалел времени, делал все основательно, без паники. Завидное хладнокровие требуется для такого...

Почему выбрана именно такая смерть — среди льда? Связано ли это каким-то образом с сексуальностью? Долго ли убийца выслеживал Кристофа Гамблена, прежде чем перейти к делу? Были ли они знакомы? Обыск, вскрытие, первые же анализы, наверное, хоть на часть вопросов смогут ответить...

Шарко слегка отодвинул подругу-коллегу назад, снова откинул крышку, еще раз осмотрел тело, повернулся, шаря взглядом справа, слева...

— В гостиной... — сказала Люси. — Там, в гостиной, нашли скотч и пятна крови на стуле. Там его пытали. Убийца привязал жертву к стулу, заткнул рот кляпом и стал делать ножом... да, возможно, ножом... надрезы на конечностях, на животе. Потом приволок сюда, чтобы запереть в морозильнике. Кровь на полу почти везде... А потом убийца стал смотреть, как жертва умирает.

Люси отошла к окну, опять обхватила себя руками. Шарко чувствовал, что нервы ее на пределе. После трагедии с девочками ей не всегда легко удавалось сохранять хладнокровие. Она больше никогда не присутствовала на

вскрытии, и ей никогда не поручали дел, в которых жертвами были дети.

Комиссар Шарко предпочел сейчас не заострять на этом внимания и сосредоточился на своей требующей скрупулезности работе. Он прошел в гостиную, оглядел ее. Вот стул, вот чем жертва была связана, вот пятна крови... Оперативники тем временем рылись в ящиках. Франк заметил фотографию в рамке. Мужчина и женщина. В шляпах, загримированные, дудят в тещины языки... Они явно счастливы. Мужчина — это жертва. Светловолосый, стройный, в глазах — настоящая жажда жизни.

Но кто-то решил положить конец его существованию.

Шарко вернулся в кухню и подошел к судмедэксперту:

— Как ты думаешь, зачем убийца засунул в морозильник одежду? И когда он это сделал: до или после смерти жертвы? Может быть, это символическое для преступника действие и...

Они с Шене были друзьями. Иногда обедали вместе, раз или два в месяц пропускали по стаканчику. Судмедэксперт не довольствовался тем, чтобы добросовестно провести вскрытие, ему нравилось чувствовать себя тесно связанным со следствием, обсуждать его ход с полицейскими, знать, чем кончилась история, участие в которой ограничивалось для него первой страницей, — до последней он никогда не доходил.

— Нет тут ничего символического! Думаю, жертва, пока находилась снаружи, была в одежде. Конечно, надо будет посмотреть все вещи повнимательнее, когда они оттают, но разрезы на джинсах и рубашке позволяют предположить, что убийца не раздевал Гамблена перед тем, как пытаться его. По-моему, тот разделся сам уже внутри камеры.

— Ну-ка, объясни, не понимаю.

— Ты никогда не подбирал бродяг, умерших от холода? Некоторых из них находят совершенно голыми, а одежда лежит рядом. Как правило, такое случается во время сильных морозов, и называется это «парадоксальным раз-

деванием». Человек утрачивает ориентацию, ему начинает казаться, будто без одежды станет теплее. В большинстве случаев это происходит непосредственно перед полной потерей сознания. Такое поведение связано с дисфункцией гипоталамуса, части мозга, которая регулирует температуру тела. Иными словами, мозг от переохлаждения начинает барахлить, а жертва в результате — делать или говорить бог знает что...

Люси смотрела на свое отражение в оконном стекле, за которым медленно кружились снежные хлопья. Были бы девчонки сейчас здесь, они, визжа от радости, нацепили бы куртки и варежки, побежали на улицу... Потом стали бы лепить снеговика, кидаться друг в друга снежками и хохотать, хохотать...

Она печально вздохнула и спросила, не оборачиваясь:

— Сколько времени он умирал?

— Порезы на первый взгляд поверхностные, он должен был потерять сознание, когда температура тела опустилась ниже двадцати восьми градусов по Цельсию. Все происходило довольно быстро, потому что вокруг него было минус восемнадцать. Конечно, точнее скажут графики, но думаю, что все кончилось не больше чем за час.

— Это долго — час.

Шарко разогнулся, потер ладонь о ладонь. Все нужные снимки уже сделаны, все запечатлено навеки, теперь можно будет рассматривать фотографии, когда захочется: днем, ночью, в таком ракурсе, в другом... Нет никакого смысла оставаться в этой проклятой комнате. Пусть тут действуют криминалисты. Люди в белых комбинезонах закрыли все двери, включили электронагреватели, установили над морозильником мощные лампы, зажгли их тоже. Можно было бы ускорить процесс с помощью электросушилок или газовых горелок, можно было бы... а если бы таким образом оказались сдуты, уничтожены следы?

В свете прожекторов кристаллы льда искрились, и от этого нагота покалеченного тела казалась еще более ужасающей. Эта ледяная пещера стала последним пристани-

щем Кристофа Гамблена, и он сжался в комок, словно хотел в последний раз согреться. Шарко снова подошел к морозильной камере, сунул голову внутрь, всмотрелся в замерзшего и нахмурил брови:

— Я брежу или там действительно на льду, под локтями, что-то нацарапано?

Люси, глядя в затянутое тучами небо, молчала. Шене шагнул вперед, встал рядом с комиссаром и наклонился:

— Ты прав, он пытался что-то написать...

Выпрямившись, судмедэксперт приказал техникам:

— Ну-ка, помогите нам вытащить тело наружу, не повредив его. Быстренько, пока лед не растаял.

Они принялись «отклеивать» труп Кристофа Гамблена, не ожидая помощи Люси и стараясь действовать как можно аккуратнее. Наконец им удалось оторвать тело от промерзшего пола с минимумом потерь: так, несколько лоскутков кожи. Комиссар попытался расшифровать нацарапанное на льду:

— Похоже, тут написано... тут написано «ACONLA»... но некоторые буквы частично стерлись...

— Тут может быть не «С», а «G», — заметил Шене, — и не «L», а «I», тогда получается «AGONIA», то есть «агония». Или, на позднелатинском — «тревога», «томление», «страдание»... Это же вполне отвечает тому, что он испытывал, правда?

### З

Закон защищает личность, человека, облеченного плотью, но не защищает плоти как таковой: тело превращается в объект, с юридической точки зрения не слишком определенный, — не вполне предмет, но уже и не личность. В глазах закона Кристоф Гамблен больше не был личностью — только телом. Час за часом аутопсия места преступления обнажала самые интимные уголки его прежнего существования: кто-то беззастенчиво обшаривал его